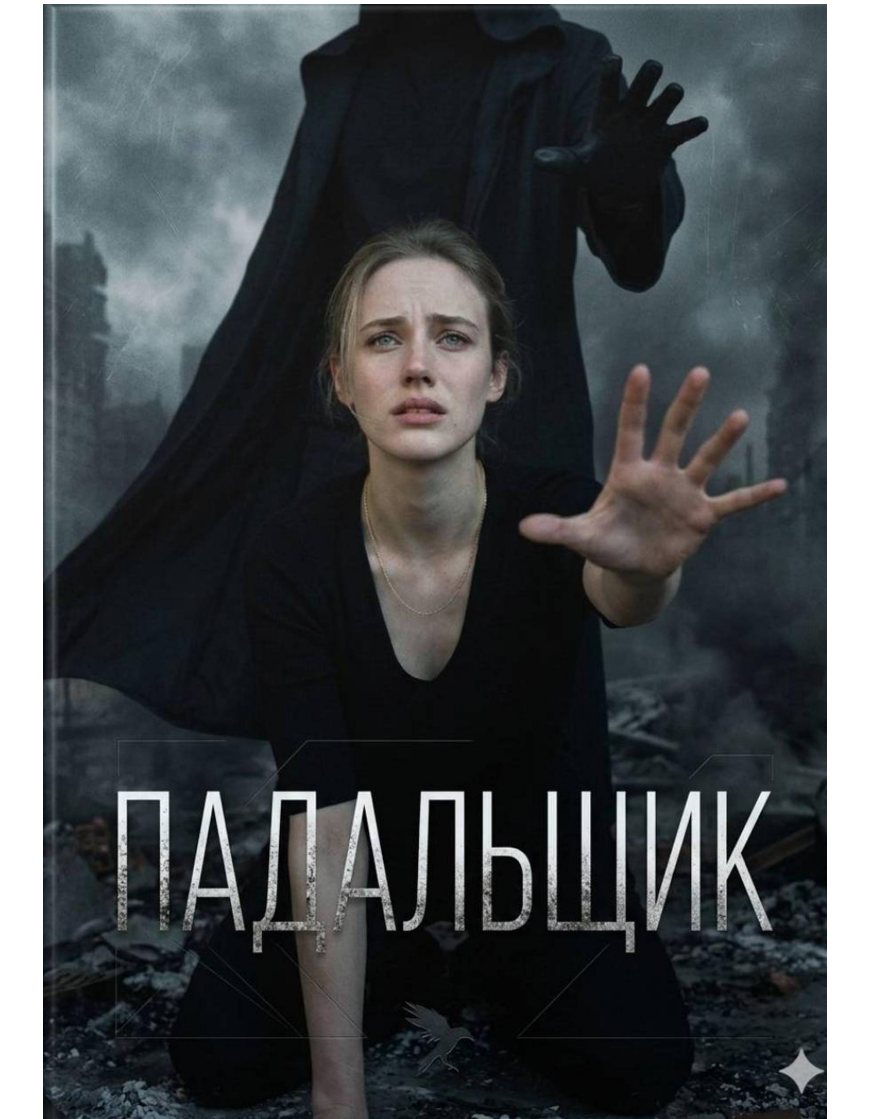

ПАДАЛЬЩИК

Олеся Новикова

Падальщик

<https://litres.ru/74609167>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моник Сёррен — пленница с Земли. Годы жестокости вытравили из неё всё человеческое, превратив в безропотную рабыню по имени Манника, чье единственное желание — смерть.

Асмадей — офицер флота завоевателей, расчетливый координатор орбитальных ударов. Он отчаянно цепляется за остатки души, пока чужеродная, мертвая Тьма его расы пожирает его разум изнутри, требуя крови и подчинения.

Когда после гибели прежнего хозяина Манника переходит в собственность Асмадея, две искалеченные судьбы сталкиваются в тесной каюте корабля, зависшего над очередным обреченным миром. Для неё он — новый палач, чье пугающее милосердие страшнее любых пыток. Для него она — последний спасательный круг и шанс доказать, что он не стал чудовищем. В империи, где сострадание — это слабость, им предстоит найти хрупкую надежду

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2	18
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олеся Новикова

Падалщик

Глава 1.

И мне простит мой грех один

Тень матери твоей, мой сын.

Укрыли прах ее цветы,

Чужою грудью вскормлен ты.

Насмешкой встречен, наг и сир,

Без имени вошел ты в мир...

Джордж Гордон Байрон.

Мать молчала... Она всегда молчала, когда Асмадей убивал. Безмолвно наблюдала, как исчезают города, как рушатся судьбы и погибают планеты. Она видела всё глазами того, кто был частью тени, нависшей над миром, — глазами Асмадея. Мать и сама давно стала частью того же мрака, что и сын. Растворилась в нём, слилась с этой бездной.

Мать молчала... Ведь слова были бессмысленны. В мире Асмадея они не могли ничего изменить. Здесь правила только сила. Сила, что не знала пощады. Сила, что сметала всё на своем пути, не оставляя ни надежды, ни памяти.

Мать молчала... Ибо мертвые не судят — они лишь смотрят из теней.

Гигантский чёрный корабль неподвижно висел над городом. Он будто притянул к себе тучи, которые, как тёмная вуаль, скрывали его силуэт. Казалось, эта чёрная громадина впитывала в себя всё: свет, тепло, жизнь. Миру не нравилось его присутствие. Мир сопротивлялся. Тучи хмурились всё сильнее и сильнее, пока не разразились проливным дождём. Он начался внезапно — вначале мелкий и несмелый, а затем небо обрушило на землю всю свою мощь. Ливень хлестал город, превращая улицы в реки, а небо — в бездну. Дождь не принёс его жителям ни облегчения, ни надежды. Он был тяжёлым и холодным, но дождь прибил к земле пепел.

Асмадей сидел в полумраке каюты, поглощённый видом. Вечерело, и город внизу замерцал редкими огнями. Где-то там, под ливнем, люди молились богам. Зря. Боги уже нико-

го не спасут. Боги покинули эту планету. Людям внизу было страшно. Когда-то этот страх обжигал Асмадею душу. Когда-то.

У города внизу всё ещё было имя. Непозволительно долго. Он носил его тысячи лет. Старый-старый город. Ему было о чём рассказать Асмадею. Но имя больше не имело значения, ведь мир был обречён. Через пару дней никто и никогда не вспомнит об Эридане — городе небесной реки.

Сквозь тучи проглядывало мертвённое серебристое сияние купола. Сотни чёрных кораблей захватчиков замкнули небо в силовое кольцо. После орбитальной блокады с планеты не сбежать и не позвать на помощь. Ни один сигнал не прорвётся наружу, ни один корабль не покинет этот обречённый мир. Отныне планета Талеон — тюрьма. Камера смертников. Но внизу в порту, толпились те, кто ещё верил в бегство. Они верили напрасно.

Люди внизу проиграли. Их не спасли ни древние знания, ни военная мощь, ни технологии. Обгорелые рёбра крейсеров теперь торчали из плоти планеты. Обломки боевых кораблей стали воинскими надгробиями. Жаль. Асмадей мечтал о поражении тех, кого называл сослуживцами. Кого называл падальщиками.

Дождь рисовал на иллюминаторе призрачные леса. Асмадей провёл пальцем по холодному стеклу, следуя за каплей, которая, извиваясь, стекала вниз. Её путь прервался, столкнувшись с другой, — две капли слились в одну, чтобы исчез-

нута в пустоте. Он вздохнул. Нет, дождь рисовал лишь безымянные руины.

— Прости, мама. Не сегодня, — прошептал Асмадей, почти не слыша собственного голоса. — Опять ничего не вышло. Глупо было верить словам рабыни.

Он помолчал.

— Может, в следующий раз... — Горькая усмешка тронула губы. — Нет. Кого я обманываю.

Дверь каюты приоткрылась, впуская полосу света. В проёме мелькнула тень, и мгновенье спустя внутрь скользнула хрупкая женская фигурка. Она была похожа на сломанный механизм, небрежно собранный заново: худая, угловатая, будто сделана из несовпадающих деталей. Кожа бледная, почти прозрачная. Глаза выцветшие и печальные. Волосы совсем седые стянуты в тугий узел на затылке. Босые ступни её касались холодного пола ровно в такт биению двигателя, словно шаги встраивались в ритм корабля.

Затаив дыхание, она остановилась рядом с Асмадеем. Прислушалась. За бортом раздавались глухие удары, похожие на раскаты грома.

Асмадей не обернулся. Он сидел, напряжённо вглядываясь в небо. По тучам бежали волны ряби.

— Видишь? Стреляют по куполу, — его голос прозвучал неожиданно, заставив девушку вздрогнуть.

Она ответила не сразу. Взгляд метнулся к иллюминатору, как будто она ожидала увидеть падение купола — но там

было только серое небо. Медленно, словно силы покидали её, опустилась на пол. Прижала колени к груди, ссутулилась. Долго сидела молча, прежде чем заговорила:

— Им его не пробить, да?

— Да.

— Неужели во всей вселенной не найдётся никого, кто бы мог победить?

Асмадей промолчал.

— Мне казалось, Талеон сильнее остальных... — девушка опустила голову и добавила почти шёпотом: — Прости. Я не хотела обнадёживать тебя зря.

— Ты не виновата.

За иллюминатором снова вспыхнуло. Секунду купол был почти белым, словно в него ударила молния, потом свет погас. Купол остался цел.

— Жаль их. Тратят драгоценные минуты своей жизни на бессмысленную надежду. Лучше бы попрощались. Я бы выбрала проститься...

Снова удар. На этот раз ближе и сильнее. Корабль застыл будто от боли. Девушка отшатнулась от иллюминатора.

— Я просил не приходить, Манника, — глухо сказал Асмадей. — Мы не можем им помочь. Скоро все будет кончено. Тебе не надо на это смотреть. Иди обратно в отсек.

На несколько мгновений её лицо стало совершенно неподвижным. Только глаза изменились — в них погас последний отблеск надежды, и на его месте осталось что-то тихое

и безысходное.

— Асмадей... — неуверенно произнесла она, будто сомневалась, стоит ли вообще говорить то, что собралась. — Я пришла сюда не для того, чтобы увидеть, как погибает очередной мир. Я пришла за тобой.

Пальцы её сжались на зелёном камне. Казалось, говорить ей было мучительно трудно.

— Ты помнишь, что обещал?

Асмадей медленно повернулся. Очередная вспышка за иллюминатором на мгновение осветила его лицо — неестественно бледное, напряженное.

— Мне жаль... — едва слышно пробормотала Манника.

Асмадей посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на иллюминатор, на дождь, на город внизу, на чёрные корабли, неподвижно застывшие в небе, и закрыл глаза. В груди что-то болезненно сжалось.

Обещал...

Когда-то это обещание казалось правильным. Если Талесон падёт, он позволит Маннике уйти. Позволит умереть свободной. Тогда это виделось единственным милосердием, на которое он был способен. Но теперь... Асмадей стиснул челюсти. Он больше не хотел её отпускать.

Ты обещал...

Слово, данное рабыне, не должно было ничего значить, но почему-то значило.

Моник Сёррен. Так её звали до плена. Красивое имя из

безвозвратно погибшего мира. Но на корабле никому не нужны человеческие имена. Хозяевам было лень запоминать их. Они небрежно коверкали слова, превращая в унижительные прозвища, словно стирая связь с прежней жизнью. Постепенно вместе с именем исчезла и сама Моник. Она растворилась среди тысяч забытых пленниц. Осталась лишь тихая девушка с белыми волосами и рабская кличка — Манника.

Манника появилась в жизни Асмадея после гибели офицера Иллара Мартáха. Тот исчез во время взятия Сáксиса, планеты на краю галактики. Тело Иллара так и не нашли и объявили погибшим. По протоколу, если офицер умирает, все его вещи переходят к другим офицерам. Даже если это не совсем вещи. В списке имущества Иллара Манника была помечена как «биологическая единица». Без деталей и пояснений. Даже имя её начиналось с маленькой буквы.

Маннику доставили в его сектор спустя пару часов после того, как он подписал документ. Она вошла в каюту, как заходят обреченные. Остановилась в паре шагов от Асмадея, не смея поднять головы, и протянула сложенную бумагу — сопроводительное письмо. Такой документ был у каждой рабыни. В нём не было ничего человеческого — только сухие параметры, как в описи оружия, техники или животного. Возраст. Происхождение. Физическое состояние. Поведение. Уровень угрозы. Несколько строк, призванных объяснить новому владельцу не кто перед ним, а что именно ему

передали.

Асмадей лениво взял бумагу, развернул. Его взгляд скользнул по первым строкам, но остановился.

«Происхождение: планета Земля».

Он перечитал ещё раз. Земля... надо же какая редкость. Земляне считались экзотической роскошью и обычно принадлежали офицерам высших рангов. Чем же он заслужил такой подарок? Логика подсказывала единственное объяснение: рабыня была с изъяном. Асмадей с любопытством посмотрел на свое новое имущество.

Перед ним стояла молодая женщина. Слишком молодая для тех совершенно седых волос, которые серебрились у неё на голове. На шее висел на шнурке зеленый камень в форме листика. Странно. Рабов обычно лишали всего и украшений в первую очередь. Почему этот камень всё ещё при ней?

Рабыня стояла неподвижно, опустив голову и сложив руки перед собой. Ничего необычного. Скорее хрупкая, чем красивая. Слишком тихая, слишком незаметная. Она не шевелилась. Даже дышала так осторожно, словно боялась привлечь к себе внимание.

Не такой представлялась ему землянка. Асмадей ожидал что-то особенное — яркое и запоминающееся. А перед ним оказалась самая обыкновенная рабыня.

— Значит Манника... — негромко произнёс он наконец.
— Посмотри на меня.

Девушка медленно подняла голову. Серые, почти бесцвет-

ные глаза встретились с его глазами. Во взгляде не было ничего, кроме осторожности и усталости.

Асмадей неопределённо хмыкнул. Решив продолжить странный ритуал знакомства, он опустил в кресло, не спеша закинул ногу на ногу и жестом велел рабыне подойти ближе.

— Что ж, — произнёс он, снова разворачивая сложенный лист бумаги, — посмотрим, что ты такое, Манника.

Асмадей принялся читать.

Раса: человек

Происхождение: планета Земля

Класс редкости: высокий

Закреплённое обращение: «манника». Использование довоенного имени не рекомендуется в связи с повышенной эмоциональной реактивностью.

Владельцев двое

Дальше шли физические показатели — сухие цифры, которые Асмадей пробежал глазами почти не глядя: рост, вес, состояние. Эти данные ничего не говорили о рабыне. Кроме того, что её плохо кормили — впрочем, как и всех остальных на корабле.

Волосной покров: аномальное изменение пигментации; причина не установлена

Ах да. Волосы. Асмадей попытался представить, от чего девчонка так поседела. Ничего хорошего в голову не приходило.

Внешние повреждения: множественные рубцы (дисциплинарная мера воздействия; нанесены предыдущими владельцами) — не влияют на функциональность. Локализация: запястья, предплечья, спина

Асмадей задержался на этом пункте дольше, чем на остальных. Он ощутил лёгкий укол чего-то, чему не сразу подобрал название. Не жалость, скорее раздражение. Раздражение не на рабыню — в этом он был уверен. И даже не на прежнего владельца. Раздражала сама формулировка: «не влияют на функциональность».

Он посмотрел на девушку, стоящую перед ним. Широкие рукава почти полностью скрывали запястья.

— Покажи руки, — сказал Асмадей, и голос вышел глуше, чем он рассчитывал.

Манника на мгновение замерла, потом вытянула руки вперед.

— Закатай рукава.

Она снова помедлила, затем потянула ткань вверх, и Асмадей увидел то, что документ описал как не влияющее на функциональность. Рубцов было много. Манника стояла и не шевелилась. Она просто ждала, когда Асмадей закончит смотреть — так, как ждут окончания медицинского осмотра.

— Можешь опустить, — сказал он наконец.

Асмадей нашёл взглядом строку, на которой остановился. Бумага чуть смялась в том месте, где он держал её — пальцы, оказывается, сжали лист сильнее, чем следовало. Он распра-

вил край. Дальше шёл раздел способности.

Дар: категория VII — воздействие на материю

Класс силы: высокий

Проявленные эффекты: дистанционное воздействие на физические объекты; изменение траектории и скорости их перемещения; кратковременное воздействие на энергетические поля.

Степень контроля: не установлена.

Предел мощности: не установлен. Полноценное тестирование не проводилось.

Именно таких, как Манника, обычно и брали в наложницы высшие чины: редкое происхождение, сильный дар, всё, что могло тешить тщеславие владельца. Одним нравились слёзы и страх. Другим — красота, которой можно было хвастаться перед сослуживцами. Но Манника не подходила ни тем, ни другим. Слишком тихая, чтобы из её покорности сделать зрелище. Слишком невзрачная, чтобы ею хвастаться.

Дар подавлен.

Метод подавления: ментальная печать

Исполнитель: телепат, ранг и имя не подлежат разглашению

Дата наложения: при пленении

Текущее состояние печати: устойчива

Рекомендации по снятию: не рекомендуется. Риск непредсказуемой реакции носителя — высокий.

Странно. Телепаты не занимались печатями. Свита стояла

неизмеримо выше этой рутины. Их сила расходовалась на то, что требовало настоящего масштаба. Если телепат снизошёл до того, чтобы лично заняться одной рабыней — значит...

— Значит, ты не просто редкость, — произнёс Асмадей.
— Ты ещё и опасная редкость, если верить документу. Ты правда опасна, рабыня?

Манника вздрогнула при этих словах, но не подняла головы.

— Нет, господин.

Асмадей хмыкнул и вернулся к документу.

Поведенческий профиль

Уровень подчинения: высокий, устойчивый.

Социальные контакты: избегает. Предпочитает изоляцию при отсутствии прямых распоряжений.

Эмоциональные проявления: минимальны, внешне не выражены. При необходимости — легко приводится в требуемое состояние стандартными методами воздействия.

Рекомендации по использованию

Использование в качестве личной прислуги: допустимо.

Участие в программе селекции: рекомендовано. Основание: высокий класс дара носителя. Вероятность наследования псионических показателей потомством — выше среднего по категории.

Сначала печать от телепата, чтобы не натворила бед, потом досье с рекомендацией к разведению, как будто дар, который в ней заперли, единственная ценность этой рабыни.

Похоже так оно и было.

Привлечение к тяжёлому физическому труду: не рекомендуется (истощение, риск потери репродуктивной функции).

Ритуальное использование: допустимо, реакция стабильна, не создаёт помех при проведении обрядов.

Ожидаемый срок эксплуатации 40–60 лет при соблюдении норм содержания (см. приложение «Стандарты содержания биологических единиц земного происхождения»).

Сорок-шестьдесят лет. На деле жизнь этой рабыни могла закончиться в любой момент, задолго до истечения расчётного срока, и следующая строка не оставляла в этом сомнений.

Утилизация при снижении трудовой пригодности ниже установленного норматива; при потере репродуктивной функции; по усмотрению владельца, вне зависимости от вышеуказанных показателей.

Асмадей перечитал последнюю часть строки. «По усмотрению владельца, вне зависимости от вышеуказанных показателей». Не система решала, жить ей или нет. Решал он. Прямо сейчас, сидя в этом кресле, с этим самым листом в руках.

Для уничтожения направить в отдел утилизации согласно стандартной процедуре. Специального разрешения не требуется.

Особые пометки: сохранён личный предмет (не опасен, не представляет ценности, ношение рекомендовано первым

владельцем)

Асмадей отложил сопроводительное письмо на подлокотник кресла.

— И что мне теперь с тобой делать? — сказал он, не столько спрашивая, сколько размышляя вслух.

— Что пожелаете, господин.

Асмадей поймал себя на мысли, что мог бы и не спрашивать вовсе: ответ был предсказуем.

Его взгляд зацепился за шнурок на её шее.

— Что это за камень? — спросил он.

Манника потянулась к шнурку, будто пытаясь прикрыть камень, но остановилась.

— Это? — переспросила она, и на мгновение в голосе мелькнуло что-то похожее на настоящую растерянность. — Это моё наказание.

Глава 2

В первую ночь на новом месте Манника не плакала и не жаловалась. Просто лежала на узкой койке — тихая, невыносимо одинокая на чужом корабле, в чужом мире, в чужой жизни, которой не просила.

Ей выделили комнату рядом с каютой Асмадея. Когда-то здесь хранили инвентарь. Вдоль одной стены остались крепления для полок, на другой — так и не снятая табличка с маркировкой вентиляционного узла. Теперь тут была откидная койка, вмонтированная прямо в переборку, и больше ничего.

Стены голые, необшитые, с проступающими рёбрами каркаса и толстыми жгутами кабелей, убегаящими куда-то в потолок.

Иллюминатора тоже не было. Только вентиляционная решётка над койкой, из которой тянуло холодом, и одна тусклая лампа у входа, слишком слабая, чтобы разогнать тьму по углам.

Дверь — простая, без замка изнутри, разумеется. В отсеке было холодно. Тепло из основной каюты сюда почти не доходило — то ли вентиляция была настроена так специально, то ли просто забыли подумать о том, что здесь кому-то придётся спать. Манника свернулась калачиком, поджав колени к груди и спрятав ладони под мышками.

По другую сторону переборки, в каюте, Асмадей сидел в кресле, глядя на тлеющую в чаше трубки серебристую пыль. Дым поднимался медленными сизыми нитями, собираясь под потолком. В дыму было легче не думать. Но сегодня это не помогало.

Хозяин. Слово всплыло в мыслях. Мерзкое, отвратительное слово. Асмадея передёрнуло, будто он невольно попробовал его на вкус и ощутил горечь.

Хозяин. Так называли себя те, кто спускался на планеты и брал то, что хотел. Он слышал это слово сотни раз — за столом в офицерской кают-компании, в докладах, в пьяных хвастливых разговорах после удачного захвата. Сослуживцы произносили его с гордостью, будто титул. Как будто чужая сломанная жизнь была наградой, а не преступлением.

Асмадей ненавидел это слово всю жизнь. Ненавидел так же, как ненавидел падальщиков, спускавшихся вниз за трофеями, пока сам он оставался наверху, среди звёзд и расчётов, — якобы чистый, якобы непричастный. Математика не пачкает руки. Координаты не насилуют. Так он говорил себе годами, и годами это работало.

Раньше это слово касалось других. Теперь же у него была своя рабыня. И разница между ним и теми, кого он презирал, вдруг показалась до отвращения тонкой. Теперь он тот, кому принадлежит чужая жизнь целиком — от первого вдоха до последнего, от имени до тела, от того, спать ей или бодрствовать, есть или голодать, жить или отправиться в утили-

зацию по одному его слову.

Асмадей сделал ещё одну затяжку, задержал дыхание до тех пор, пока легкие не начало жечь. Комната поплыла. Стены изогнулись. Тени в углах каюты зашевелились, начали густеть, сплетаясь в единое темное пятно. Оно росло, вытягивалось, обретая форму женской фигуры.

— Здравствуй, мама, — произнёс Асмадей.

Он не обернулся. Да и не нужно было — Асмадей всегда чувствовал её раньше, чем видел. Не было ни звука шагов, ни стука двери — только внезапная уверенность, что в каюте теперь два человека. Задолго до того, как она появлялась, приходила тишина. Гул двигателей вдруг отступал куда-то на задний план, будто кто-то приглушал звук целого корабля.

Асмадей никогда не мог объяснить, что именно чувствовал рядом с матерью. Не любовь в привычном смысле — слишком простое слово для того, что творилось внутри при её появлении. Скорее благоговение перед чем-то безусловно большим чем он сам.

— Здравствуй, Аси, — голос, теплый, низкий и чуждый этому миру, раздался прежде, чем силуэт обрёл законченные очертания.

Будто две вселенные соприкоснулись, и на долю секунды стало возможным то, чего быть не должно: мёртвая пересекла черту, за которой начинался мир живых. Она вошла так, как переступают порог собственного дома — с полным правом быть там, куда пришла. Тень перестала быть тенью. Мать

стояла перед Асмадеем — высокая призрачная фигура от которой исходил мягкий, серебристый свет.

Асмадей не знал, что она такое. Не знал, откуда берётся. Была ли мать видением, порождённым болезнью его собственного разума или действительно нашла способ пересечь черту, которая не должна была пересекаться никем и никогда. Если мать бред — значит, он безумен. Если реальна — тогда чем она заплатила за право быть здесь? Асмадей не понимал, как это работает. Не понимал, какая сила нужна, чтобы разорвать законы смерти ради ребёнка.

— Ты чем-то расстроен?

— Расстроен? — переспросил Асмадей и неприятно усмехнулся. — Нет, я не расстроен, мама. Я зол. Мне подарили собственную рабыню. Можешь меня поздравить. Видимо это моя награда за разрушение Катана. Теперь я хозяин какой-то забитой девчонки.

— Награда... — повторила мать.

В этом единственном слове Асмадей впервые за долгое время услышал не нежность, а горечь.

— Когда-то и я была наградой, Аси. Меня отдали твоему отцу в день гибели моей планеты. В тот самый день...

Она замолчала на мгновение. Прозрачные края её фигуры дрогнули — так дрожит пламя свечи от сквозняка.

— Кто-то решил, что девушка с Кхона с даром — достойный подарок перспективному молодому офицеру.

Асмадей молчал. Трубка в его пальцах погасла.

— Поэтому цену таких подарков я знаю лучше, чем кто бы то ни было, — продолжила мать.

— Я её не просил, — глухо сказал Асмадей. — Мне не нужно это.

— Знаю. Ты злишься не потому, что тебе дали рабыню. Ты злишься потому, что тебе дали именно то, что было у твоего отца.

Асмадей отвёл взгляд.

— Ты боишься стать похожим на него, — закончила мать.

— Да... Чем я лучше падальщиков теперь, мама? Скажи мне.

— Аси, — тихо сказала она. — Я не стану убеждать тебя в том, что ты не похож на своего отца. Кто ты такой и кем ты можешь быть — решать только тебе. Ты можешь стать тем хозяином, каким был твой отец. А можешь кем-то другим. Выбирай.

Асмадей долго молчал. Он смотрел на погасшую трубку в своих руках. Пальцы медленно сжались на мундштуке.

— Расскажи мне о ней, — попросила мать, и голос её смягчился, будто она дала сыну возможность подумать в тишине — позже, когда он останется один.

Перед Асмадеем снова возникли серые глаза. Худые плечи и руки, которые рабыня так старательно прятала в рукавах.

— Нечего особо рассказывать. Землянка. Очень тихая. Молчит, смотрит в пол, отвечает «да, господин» и «нет, гос-

подин». Делает всё, что скажешь, раньше, чем успеваешь договорить. Ждёт удара даже тогда, когда никто не собирается ее бить. Молодая еще, а седая, как старуха. На руках у неё шрамы. Много... И знаешь... Ей будто уже всё равно, что с ней делают.

— Так ты жалеешь её...

В глазах матери мелькнуло облегчение.

— Возможно это действительно подарок, — сказала она тихо, — только не тебе, а ей.

Мать приблизилась. Осторожно коснулась его щеки. Её прикосновение почти не ощущалось. Но он всё равно закрыл глаза.

Мать погладила его по волосам, а затем наклонилась и поцеловала в лоб. Поцелуй был невесомым, как дуновение ветра, но оставил после себя волну тепла, которая прошла по всему телу.

Асмадей медленно выдохнул.

— Мой мальчик, — тихо сказала она. — я всегда буду любить тебя, Аси.

Он усмехнулся, не открывая глаз.

— Уже давно не мальчик.

— Для матери это ничего не меняет.

Асмадей открыл глаза. Что-то предательски зашипало в них, и он отвёл взгляд.

Когда он снова поднял голову в каюте уже никого не было.

— До встречи, мама.

Ответа не последовало.

Он опустил взгляд на погасшую трубку в своей руке. Несколько секунд сидел неподвижно, а потом пошел к рабыне.

Асмадей сам не понимал, почему его потянуло в отсек. Он шёл туда почти машинально. После наркотика голова была тяжёлой, мысли — вязкими. Коридор то становился слишком длинным, то вдруг сжимался, металлические стены едва заметно плыли перед глазами. Он мог бы вернуться в каюту. Должен был вернуться. Но почему-то оказался здесь. Асмадей остановился перед дверью Манники. Несколько секунд смотрел на неё, словно пытался вспомнить, зачем пришёл. Потом открыл.

Манника не спала. Она сидела на койке, прижавшись спиной к стене, колени подтянуты к груди, взгляд устремлён в темноту перед собой. Когда дверь отъехала в сторону, Манника медленно повернула голову. Посмотрела на Асмадея настороженно и молча, будто пыталась понять, что именно он от неё хочет.

В этом скудном, дрожащем свете Манника казалась ещё более хрупкой. Седые волосы растрепались и падали бесцветными прядями на плечи. Она мелко дрожала, стиснув зубы. В отсеке было не просто прохладно — холод пробирал даже через одежду.

Асмадей молчал ещё несколько секунд, глядя на то, как девчонка безуспешно пытается унять дрожь. Потом коротко

бросил:

— Пойдём.

Манника не спросила, куда и зачем. Она просто поднялась с койки и пошла следом, ступая босыми ногами по холодному металлу коридора.

В каюте было теплее. Свет здесь тоже был другим — ровным, чуть желтоватым, без дрожащего полумрака её отсека. Манника остановилась у входа. Дальше без разрешения она не прошла. Сложила руки перед собой и опустила голову.

Асмадей подошёл к шкафу, встроенному в переборку, и открыл первую створку. Ничего подходящего — только его собственная запасная форма, аккуратно сложенная стопкой. Он закрыл её и потянул вторую. Там нашлись несколько свёрнутых покрывал и какое-то старое тряпье, назначения которого он уже и не помнил. Асмадей начал перебирать их, отбрасывая одно за другим.

— Сейчас найду что-нибудь, — пробормотал он, не оборачиваясь.

Ответа не последовало.

Он вытянул одно из покрывал. Оно оказалось слишком тонким. Асмадей швырнул его в сторону и продолжил рыться дальше, раздражённо переставляя коробки на нижней полке.

— Да где же...

Наконец пальцы нащупали плотную ткань.

— Ага. Вот это подойдёт.

Асмадей вытащил шерстяное одеяло, выпрямился и обернулся.

Манника всё ещё стояла у двери и смотрела на него.

— Чего? — спросил он, резче, чем хотел.

Манника сразу опустила глаза.

Её тонкие пальцы медленно нашли завязки на воротах серой робы.

— Мне раздеться, господин? — тихо спросила она.

Асмадей моргнул.

— Что?

Манника, решив, что он не расслышал, добавила совершенно спокойно:

— Или встать на колени? Как вы предпочитаете?

Асмадей застыл. На несколько мгновений он растерялся, не зная, что сказать.

— Нет, — наконец выдал он. — Не нужно. Ничего из этого не нужно.

Манника замерла, всё ещё держа пальцы на завязках. В её взгляде мелькнуло удивление. Она явно ожидала другого ответа. Несколько секунд она просто смотрела на Асмадея, потом медленно опустила руки.

— Тогда что вы хотите, чтобы я сделала? — спросила она.

Асмадей посмотрел на неё, потом на одеяло которое держал. Только теперь, кажется, вспомнил, зачем вообще привёл её сюда.

— Ничего.

Он шагнул к ней и протянул одеяло.

— Вот. Возьми.

Манника не шевельнулась.

— Там холодно, — добавил он.

— Я... не понимаю.

Её взгляд опустился на одеяло. Потом снова поднялся на Асмадея. Она смотрела на него с такой осторожностью, будто пыталась понять, где здесь подвох.

— Я сказал: возьми.

Только после этого она робко протянула руки.

— Мне... правда можно?

Асмадей нахмурился.

— Да.

Манника прижала одеяло к груди. Грубая шерсть наверняка кололась, но она будто не замечала. Пальцы сжались на ткани, удерживая её крепче, чем было необходимо.

— Спасибо, господин.

— Иди, — сказал он, кивнув на дверь. — Я распоряжусь, чтобы починили обогрев в твоём отсеке.

Манника уже собиралась уйти, но вдруг замерла. Словно забыв о его присутствии, она всматривалась куда-то в глубину каюты. Зрачки чуть расширились, и на лице появилось почти детское, невозможное в её положении изумление.

Пальцы разжались сами собой. Одеяло скользнуло вниз, и Манника едва успела перехватить его у самого пола, прижав обратно к груди трясущимися руками.

Асмадей обернулся. Никого.

Манника моргнула, будто выныривая из наваждения. Медленно, с трудом отрывая себя от этого видения, повернулась к Асмадею.

— Господин, — прошептала она, и голос её дрогнул, — Кто эта женщина?

Асмадей замер.

— Какая женщина?

Манника посмотрела на него с недоумением.

— Вы её не видите? — В голосе прозвучала нарастающая тревога — будто сам факт, что Асмадей не понимает, о чём она говорит, был страшнее того, что она увидела.

На этот раз он даже не обернулся.

— Здесь никого нет, — сказал Асмадей ровным холодным голосом.

Манника побледнела. Растерянность в её взгляде сменилась страхом.

— Простите, — проговорила она, отступая на шаг к двери. — Мне показалось. Просто показалось, господин.

Она говорила торопливо, будто пыталась поскорее исправить свою ошибку. Манника уже поняла, что сказала лишнее, и теперь боялась наказания.

Но глаза её, метнувшиеся напоследок в тот же тёмный угол каюты, говорили обратное. Она была уверена в том, что видела. Уверена настолько, что даже страх наказания не смог до конца стереть с её лица отголосок того детского изумле-

ния, которое на миг вспыхнуло в ней при первом взгляде на эту фигуру.

Дверь за Манникой закрылась, и Асмадей ещё долго глядел на то место, где она только что стояла.

Она видела её! Она видела мать! Да что такое эта рабыня?!

Он опустился обратно в кресло, и пальцы сами потянулись к трубке, но Асмадей остановил руку на полпути, брезгливо отдёргнув её.

За все это время никто не видел мать. Никто кроме него самого. Годами он считал это доказательством худшего — что мать была не более чем милосердной галлюцинацией, которую подсовывал ему изнурённый разум, чтобы он не сошёл с ума окончательно.

Манника видела мать...

Асмадей не сразу понял, что именно его так напугало. Несколько секунд он просто сидел неподвижно. Пальцы похолодели, в груди стало тесно. Он попытался вдохнуть глубже, но воздух будто застрял где-то в горле. Потом одна мысль вспыхнула так ясно, что от неё стало ещё страшнее.

Если она видела — значит, может рассказать. Если расскажет — узнают о матери.

Асмадей до боли сжал переносицу, будто это могло остановить череду мыслей, обрушивавшихся одна за другой.

Если узнают — её найдут.

Асмадей почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Нет... Только не её.

А что если Маннику подослали? Что, если кто-то наверху уже заподозрил неладное?

Асмадей знал, что будет с ним самим, если об этом узнают. Его сознание вывернут наизнанку. Будут искать, пока не найдут то, что нужно, а потом просто утилизируют. Без суда. Без объяснений. Как неисправную вещь, которая стала опасной. Но это почти не пугало Асмадея. Страшно было другое. Пока они будут копаться в его сознании, они доберутся до матери.

Асмадей вдруг увидел её другой — не серебристой тенью из темноты, а такой, какой она могла бы стать. Асмадей никогда не говорил матери об этом — слишком хрупкой казалась эта мечта. Но она жила в нём столько, сколько он помнил себя.

Перерождение...

Однажды мать должна была уйти дальше. Не исчезнуть, не раствориться, не остаться навечно тенью в его каюте, а получить другую жизнь. Другую судьбу. Может быть, родиться где-нибудь далеко, под чужим солнцем. Может быть, стать по-настоящему счастливой — и даже не знать, что когда-то была матерью офицера, уничтожающего чужие миры.

Только теперь он впервые подумал: кто-то может отнять у неё это. Не убить — хуже. Уничтожить душу. Стереть самую возможность следующей жизни.

Асмадей резко вдохнул.

— Нет... — на этот раз голос прозвучал громче.

Нет. Этого он не допустит.

Манника... Она была во всём виновата. Эта рабыня не должна никому ничего рассказать. Ни слова. Никому.

Асмадей вскочил с кресла и принялся ходить по каюте. Нужно заставить её молчать. Приказать. Запугать. Запереть. Убить?..

Асмадей остановился. Рука потянулась к поясу, туда, где обычно висел клинок, прежде чем он вообще осознал, что делает. Пальцы сомкнулись на пустой пряжке — оружие осталось у входа, вместе со всем остальным снаряжением, снятым перед сном. И в это самое мгновение, не найдя рукояти, Асмадей будто очнулся.

Он отдернул руку, как от огня, и замер посреди каюты, тяжело дыша. Ладони мелко дрожали. Асмадей машинально сжимал и разжимал пальцы, глядя на них, как на чужие, — руки, которые мгновение назад искали оружие с одной-единственной целью. Убить рабыню.

Он представил себе её смерть отчётливо, во всех деталях: как заносит клинок, как во взгляде Манники, ещё не успевшей понять, что происходит, застывает недоумение, как тёмным пятном расплзается по серой ткани робы кровь.

Убийцей. Вот кем он едва не стал. Асмадей закрыл глаза и медленно, глубоко вдохнул. На несколько секунд стало легче. Он ведь не сделал этого. Отдернул руку. Одумался.

И тут ему в голову пришла другая мысль.

«Я не обязан убивать её сам».

Асмадей медленно открыл глаза.

«Можно просто утилизировать девчонку. Это ведь совсем другое»

Утилизировать. Просто техническая процедура, вроде списания сломанного оборудования. Не нужна клинка. Не нужно крови на собственных руках. Он даже не прикоснётся к ней. Просто оформит документ. Разве это сделает его убийцей? Нет. Убийца — это исполнитель приговора. А он всего лишь подпишет бумагу.

Всё случится где-то в другом отсеке, тихо, буднично. Ему даже не придётся это видеть. Никто не заметит. Никто не спросит, почему рабыня, доставшаяся ему вчера, сегодня уже отправлена в утиль, — таково его право. Манника умрёт, а мать останется цела.

И разве это его вина? Система придумана не им. Право решать судьбу рабыни дано ему по закону, который существовал задолго до его рождения и будет существовать ещё долго после. Манника — не первая пленница, отправленная в утиль за меньшую провинность, и уж точно не последняя. Он лишь немного ускорит неизбежное. Может быть, даже окажет ей милость — избавит от долгих лет службы, от новых шрамов, от нового хозяина. Разве не лучше для неё самой умереть сейчас, быстро, без боли, чем тянуть эти сорок-шестьдесят лет, обещанных в досье?

Асмадей сел за терминал прежде, чем успел додумать эту мысль до конца — будто тело двигалось быстрее рассудка,

спеша избавиться от возможности передумать.

Курсор мигал в пустом поле.

Он занёс пальцы над клавишами. Что написать? Утрата функциональности? Нет, не годится. А что если это будет правда? Вернее часть правды?

Асмадей начал печатать: «Единица демонстрирует признаки нестабильного психического состояния, выражающиеся в галлюцинаторных эпизодах и неконтролируемых вспышках эмоциональной реактивности. Дальнейшая эксплуатация нецелесообразна ввиду риска для окружающих».

Он поставил подпись. Экран мигнул, подтверждая приём документа, и тут же выдал стандартную форму — назначение времени и исполнителя.

Асмадей открыл список дежурных по отделу утилизации. Пробежал глазами фамилии, остановился на первой попавшейся, не всматриваясь, — какая разница. Вызов. Ожидание.

Экран отозвался коротким подтверждением: «Заявка принята. Исполнитель: техник третьего ранга Эрван Крейд. Время: 07:00. Единица будет доставлена в отдел утилизации согласно графику».

Семь утра. До смерти Манники осталось меньше девяти часов.

Глава 3

Ночь — вернее то, что называлось ночью на космическом корабле, — тянулась бесконечно. Асмадей лежал без сна, глядя в потолок каюты. Несколько раз он поднимался, подходил к иллюминатору, вглядывался в темноту за стеклом, потом снова ложился — и снова не мог уснуть. В какой-то момент он потянулся за трубкой, но так и не зажёг её, просто держал в руках, катая мундштук между пальцами. Часы на панели над дверью медленно отсчитывали цифры. Три часа. Четыре. Половина пятого.

Около семи он поднялся с постели и пошёл к Маннике. Дверь отсека отъехала в сторону почти беззвучно. Лампа у входа мигнула — раз, другой — прежде чем разгореться ровным, тусклым светом. Манника спала — свернувшись калачиком под тем самым одеялом, которое он отдал ей накануне. Лицо, обычно настороженное и напряжённое, сейчас казалось на удивление спокойным.

Асмадей замер на пороге. Он смотрел на неё и вдруг подумал, что за всё время, что она была в его каюте, он ни разу не видел её такой. Рука, которую она вчера протянула к одеялу с таким недоверием, теперь лежала расслабленно, ладонью вверх.

Губы были чуть приоткрыты. Седая прядь упала на щеку и мерно колыбалась в такт дыханию.

Одна нога высунулась из-под одеяла. Манника чуть пошевелилась во сне и медленно подтянула её к себе, снова пряча под тёплой шерстью. Спящая, она ничем не напоминала ту тихую, вымуштрованную тень, что появлялась перед ним с опущенной головой и заученным «да, господин».

Манника ни о чём не подозревала. Спала спокойно и не знала, что эта ночь была для неё последней.

Что-то дрогнуло у Асмадея внутри, но он тут же постарался это заглушить.

Он стоял так дольше, чем следовало, — не решаясь ни разбудить её, ни уйти. Манника пошевелилась во сне, и он вздрогнул, будто его застали за чем-то постыдным. Пора было будить её.

— Манника, — позвал он.

Веки дрогнули, серые глаза приоткрылись — сонные, растерянные. Сначала Манника смотрела на него, не понимая, где находится. Потом взгляд прояснился.

— Господин?

Она села, придерживая сползшее с плеч одеяло.

— Сейчас за тобой придут, — сказал Асмадей, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно.

— Придут? — переспросила Манника. — Зачем?

Он ничего не ответил. Не смог. Манника нахмурилась, ожидая, что Асмадей всё же скажет что-то ещё, но он молчал.

Взгляд метнулся к двери, потом снова к нему. Он видел, как гаснет последняя сонная мягкость в её чертах, сменяясь

тревогой.

— Господин, — повторила она, и голос дрогнул. — Куда меня отправляют?

Манника смотрела на него — сначала с недоумением, потом всё пристальнее, будто пыталась прочесть ответ по его лицу, раз он не желал произносить его вслух. И то, что она там увидела, судя по всему, было красноречивее любых слов.

— Нет, — прошептала она, качая головой. — Нет, это не...

Она не договорила. Глаза широко распахнулись. В них мелькнуло понимание.

— Утилизация... — произнесла она наконец.

Плечи её опустились, руки разжались, отпуская одеяло, которое медленно сползло вниз.

— Значит, вот как... Можно хотя бы узнать, за что?

Асмадей отвёл взгляд.

— Это не имеет значения.

— Не имеет значения... — повторила она едва слышно — так, будто эти слова причинили боль сильнее, чем сама новость об утилизации. — Ну конечно. Жизнь рабыни не имеет значения.

Манника медленно поднялась с койки. Босые ноги коснулись холодного пола, но она, кажется, этого даже не заметила. Выпрямившись во весь рост, она посмотрела на Асмадея в упор, а потом вдруг тихо произнесла:

— Трус.

— Что?

— Вы трус, господин. — повторила она уже твёрже. — Вы испугались увиденного мной прошлой ночью. Настолько испугались, что решили меня убить. И вместо того чтобы прийти сюда и сделать это выбрали утилизацию. Выбрали подлость. Почему утилизация? Убить духу не хватило? И сказать мне правду в лицо тоже?

Асмадей молчал, не находя, что ответить. Манника стояла перед ним — хрупкая, босая, в тонкой рубаше, — и всё же в этот миг казалась выше его ростом.

За дверью слышались шаги. Манника замерла, услышав их. Злость, ещё секунду назад придававшая ей сил, схлынула так же быстро, как и появилась. Шаги остановились у самой двери. Манника порывисто вдохнула.

Асмадей не вынес ее взгляда и отвернулся первым — трус даже в эту секунду.

— Прощай, Манника, — произнёс он глухо.

Он уже потянулся к панели, чтобы открыть дверь, когда за спиной раздался её голос.

— Подождите.

Асмадей замер, не оборачиваясь.

— Я хочу сказать вам одну вещь.

Он медленно повернулся.

— Что бы ты ни сказала, это уже ничего не изменит.

— Не важно. Просто выслушайте меня. Пусть это будет последнее хорошее, что я сделаю.

Асмадей молчал, ожидая.

— Доберитесь до Талеона, — сказала Манника. — Там вы сможете помочь своей матери. Дать ей настоящую жизнь и свободу.

— Откуда...

Асмадей не успел договорить. Дверь отъехала в сторону. В проёме стоял невысокий мужчина в форме технической службы — сухопарый, с блеклым, ничем не примечательным лицом и равнодушным, усталым взглядом. За его спиной, чуть позади, замерли двое солдат в чёрной броне.

— Здравствуйте, господин офицер. Техник третьего ранга Крейд, — представился мужчина. — Прибыл по заявке на утилизацию биологического объекта под номером... эээ... секунду, — он сверился с планшетом. — Семь-два-один-девятнадцать, Моник Сёррэн, землянка.

Манника смотрела то на техника, то на солдат за его спиной, то снова на планшет в его руках, где, судя по всему, была записана вся её жизнь — сведённая к нескольким строкам технического отчёта.

Крейд бегло окинул отсек взглядом.

— Это она? — кивнул он в сторону Манники, стоявшей позади Асмадея.

— Да.

— Прекрасно. Тогда приступим, — спокойно сказал техник.

Он сделал отметку в планшете и шагнул в каюту. Двое сол-

дат одновременно двинулись следом.

Манника отступила на шаг.

— Распишитесь здесь, господин офицер, — техник протянул планшет Асмадею, — а мы пока её подготовим.

Крейд отстегнул от пояса металлический ошейник.

— Обычно на этом этапе мы надеваем ограничители, — пояснил он, будто извиняясь перед Асмадеем за неудобство процедуры. — Формальность. Некоторые объекты паникуют перед транспортировкой. Вы не против?

Крейд выжидающе посмотрел на Асмадея, всё ещё держа браслет наготове. Асмадей молча смотрел в планшет — и техник, приняв это молчание за согласие, коротко кивнул солдатам. Те сдвинулись с места.

Манника инстинктивно отшатнулась назад, но бежать было некуда. Широкоплечий солдат сделал стремительный рывок вперед. Манника попыталась оттолкнуть его, ударить, но боец даже не заметил этих слабых попыток. Он заломил её руки за спину и Манника охнула от боли.

— Не дёргайся, или сломаю тебе что-нибудь, — бросил солдат.

Второй конвоир тут же достал из подсумка на поясе магнитный фиксатор. Раскрыл браслет и обхватил им сведённые запястья Манники. Раздался короткий, сухой щелчок, и на внутренней стороне браслета вспыхнул тусклый красный огонёк, скользнувший вдоль обода и погасший.

Крейд подошёл, небрежно играя ошейником.

— Голову вверх, — коротко приказал он.

Манника отпрянула, насколько позволяли скованные руки и хватка солдата. Крейд не стал повторять. Он грубо схватил её за волосы и резко запрокинул голову назад. Ледяной, тяжелый обруч намертво сомкнулся вокруг горла. В тот же миг ошейник отозвался злобным, низким гудением.

Только после этого солдаты отпустили её и отступили на шаг, оставив Маннику стоять посреди отсека.

Она взглянула на конвоиров, затем на Асмадея. В её глазах читался немой вопрос: *неужели вы позволите этому случиться?*

— Готово, — сказал техник и улыбнулся. — Объект семь-два-один-девять, предупреждаю: при попытке бегства или неповиновении через ошейник будет подан электрический разряд. Поэтому лучше не сопротивляться.

Асмадей все также растерянно глядел на планшет в руках.

— Господин офицер? — техник чуть приподнял бровь, не понимая заминки. — Необходимо поставить подпись в акте передачи.

Асмадей смотрел на экран, но буквы расплывались перед глазами.

— Я правильно понимаю, что пока я не заверил документ она моя собственность?

Крейд явно не ожидал вопроса вместо подписи.

— Всё верно, господин офицер. Правовой статус объекта не меняется до момента фактической передачи и подтвер-

ждения процедуры. Она все еще принадлежит вам.

— Значит, сейчас я могу делать с ней всё, что сочту нужным?

— Формально вы правы, но так как документ уже подан...

Асмадей не дослушал. Он шагнул вперед и теперь стоял прямо перед Манникой, заслоня её собой от Крейда.

— Хорошо, — сказал Асмадей. — Если она всё ещё моя собственность, тогда у меня есть право отозвать заявку.

Он протянул планшет обратно технику, так и не поставив подпись.

— Простите? — удивился Крейд.

— Я отменяю заявку.

Манника вскинула голову, не веря тому, что слышит.

— Господин офицер, — произнёс техник, — при всём уважении, в заявке указаны серьёзные основания. Вы не можете ее отменить. Если единица действительно демонстрировала указанные симптомы...

— Она ничего не демонстрировала, — оборвал Асмадей. — Вчера ночью я принял слишком много психостимуляторов и решил воспользоваться своим подарком. Она не сразу подчинилась — и я, признаю, отреагировал жёстче, чем следовало. Рабыня попыталась вырваться. А неповиновения я не терплю. Утилизация оказалась подходящим способом её проучить.

За спиной Асмадея тихо звякнули фиксаторы. Манника судорожно вдохнула.

— Признаться, я даже не помню, что написал. Утром, разумеется, гнев прошёл. Заявка была составлена сгоряча, под веществами, и не отражает реального положения дел. — Я получил желаемый результат. Дальнейшую процедуру считаю нецелесообразной.

Крейд слушал, не перебивая, с профессиональным безразличием — будто подобные истории с офицерами были для него рутиной, изрядно надоевшей за годы службы.

— Понимаю. Хорошо, что вы одумались до фактической утилизации, а не после. Однако позвольте уточнить. Вы утверждаете, что причина указанная в документе ложная?

— Да, — сказал Асмадей.

— Господин офицер, хочу уведомить, что ложные сведения в таких документах — серьёзное нарушение регламента. Мне придётся отметить это в рапорте.

— Отмечайте.

— Вы подтверждаете, что сейчас находитесь в ясном сознании и считаете объект пригодным к дальнейшей эксплуатации?

— Да.

— Вы уверены, что не хотите довести процедуру до конца?

— Не хочу.

Крейд достал из подсумка небольшое сканирующее устройство и активировал его коротким нажатием. Тонкий синий луч скользнул по бейджу на груди Асмадея, считывая

идентификационный код.

— Предупреждаю. После отзыва повторная утилизация по тому же основанию будет невозможна без медицинского заключения.

— Понятно.

— Для отмены заявки требуется биометрическое подтверждение владельца, — пояснил Крейд. — Приложите ладонь.

Асмадей молча протянул руку. Сканер пискнул, зафиксировав отпечаток, и на маленьком экране устройства высветилась строка подтверждения.

Крейд снова взялся за планшет. Пальцы забегали по сенсорной панели.

— Основание отмены: ложные сведения в первичной заявке, — произнёс он вслух, печатая одновременно. — Заявитель признал факт составления документа в состоянии интоксикации психоактивным веществом.

Экран мигнул, запрашивая дополнительное подтверждение. Крейд коснулся значка ввода.

— Статус объекта семь-два-один-девять, — продолжил он, — меняется с «утилизация» на «возврат владельцу». Дело переводится в архив с пометкой о нарушении регламента подачи документов.

Планшет издал короткий сигнал, и на экране проступила новая строка — судя по всему, автоматически сформированный номер дела.

— Заявка номер 12507 аннулирована, — сказал Крейд, поворачивая экран так, чтобы Асмадей мог видеть подтверждение. — Копия отчёта будет направлена в дисциплинарный отдел в течение суток. Ожидайте вызова для дачи объяснений.

Он убрал планшет под мышку.

— Снимите фиксаторы, — бросил он солдатам.

Один из них подошёл к Маннике, расстегнул браслет и убрал его назад в подсумок. Манника попыталась пошевелиться, но плечо, которое солдат заламывал слишком сильно, отозвалось обжигающей болью. Она поморщилась, но не издала ни звука — только на мгновение прикрыла глаза, пережидая, а потом снова застыла, глядя в пол.

Ошейник Крейд снимал сам. Он уже потянулся к замку, но вдруг остановился и спросил Асмадея.

— Или его оставить?

— Не нужно.

— Как скажете.

Крейд вновь потянулся к замку.

— Голову чуть вверх.

Манника медленно подняла подбородок.

Техник провёл пальцами по металлическому ободу, нашёл нужную точку и нажал. Раздался короткий электронный сигнал. Обруч с сухим щелчком разомкнулся. Гудение оборвалось мгновенно, будто выключили невидимый рубильник, и Манника резко, судорожно вдохнула — глубоко, всей

грудью, будто до этой секунды едва дышала, боясь потревожить устройство на собственном горле. На бледной коже осталась красная полоса.

— Всё, — спокойно сказал техник. — Сегодня вам повезло. До встречи в нашем отделе, объект семь-два-один-де-вять.

Он развернулся к солдатам.

— Уходим.

Оба конвоира синхронно направились к выходу, ни разу не оглянувшись на Маннику. Крейд задержался в проёме двери.

— Должен заметить: если в дальнейшем подобное повторится, лучше использовать стандартную процедуру дисциплинарного воздействия. Утилизация — крайняя мера. И в следующий раз не подавайте документы в таком состоянии. Наш отдел не любит лишнюю работу.

— Я учту.

— Надеюсь. Хорошего дня, господин офицер, — сказал он и вышел.

За спиной Асмадея раздался короткий звук. Едва слышный, сдавленный всхлип, который Манника попыталась подавить, но не смогла.

Асмадей обернулся. Манника стояла на том же месте, где её оставили солдаты и смотрела в пустоту, будто до сих пор видела перед собой техника и не могла поверить, что всё уже закончилось. Руки, только что освобождённые от фиксато-

ров, безвольно висели вдоль тела. Пальцы подрагивали — мелко, непрерывно.

Асмадей не знал, подойти ему или остаться на месте.

Манника медленно опустила взгляд вниз, провела пальцами по запястью, будто только сейчас почувствовала боль.

Голос, когда она наконец заговорила, оказался хриплым.

— Что же вы такого написали? — спросила она. — В записке. Про меня.

Асмадею вдруг стало трудно произнести вслух то, что ещё недавно казалось просто несколькими строками в служебном документе.

— Написал, что ты опасна для окружающих. Галлюцинации. Психоз.

— Но ведь это все неправда.

— Я знаю.

Манника подняла на него глаза. Асмадей не увидел в них ни прежнего страха, ни злости. Только усталость. И что-то ещё, чего он не сразу смог назвать. Она смотрела на него так, будто пыталась понять: как можно спокойно писать такие вещи, зная, что именно из-за них должны были убить человека.

— Вы не только трус, — произнесла она. — Вы ещё и лжец.

Она неловко наклонилась за сползшим на пол одеялом. Боль в плече заставила её тут же остановиться. Манника поморщилась, перехватила одеяло здоровой рукой и только со второй попытки подняла его.

С трудом выпрямившись, Манника сделала шаг к койке и тяжело опустилась на край — ноги, кажется, отказывались её держать. Здоровой рукой она подтянула одеяло к себе и плотно закуталась в грубую ткань. Затылок коснулся холодной стены. Её глаза закрылись.

— Прости, — тихо сказал Асмадей.

Манника не ответила. Она не открыла глаз и не шевельнулась. Асмадей подождал ещё немного. Ответа не было. Он развернулся и пошёл к двери.

Она слышала, как Асмадей стоит у койки. Слишком долго стоит. Переминается. Чего-то ждёт. Чего? Благодарности? Наверное, чтобы она сказала, что всё в порядке, — и ему стало легче.

Легче ему она делать не собиралась. Всё остальное он мог взять сам: свободу, тело, жизнь. А это нет. Это можно было только дать. Наконец Асмадей ушел. Дверь с шипением отъехала в сторону и встала на место.

Манника сидела, привалившись к холодной переборке, и считала шаги в коридоре. Сама не зная зачем. На пятнадцатом стало тихо.

Тогда она открыла глаза. Тело сделалось невыносимо тяжёлым. Манника зарылась в колючее одеяло, подтянула колени к подбородку — и уже не смогла бы подняться, даже если бы за дверью снова застучали офицерские сапоги. Остро, до тошноты заныло вывернутое солдатом плечо. Фантомный

ошейник, казалось, всё ещё сжимал шею. Там, где он оставил красный след, кожу саднило.

— Семь-два-один-девять, — сказала Манника в пустоту.

Рука сама нашла шнурок на шее. Камень был тёплым — он всегда был тёплым, даже здесь, в этом холоде. Манника сжала его в кулаке так, что грани впились в ладонь.

— Моник, — прошептала она. — Меня зовут Моник.

По щеке скатилась слеза. Манника смахнула её резким, злым движением. Но следом покатилась вторая, потом третья.

Прекрати. Ну прекрати же.

Она вытирала снова и снова — ладонью, костяшками пальцев, рукавом, — а слёзы все текли и текли.

Тогда она сдалась. Уткнулась лицом в колени и разрыдалась. Беззвучно, вздрагивая всем телом.

Она ненавидела этот корабль, его вечный гул, звёзды за бортом, которых даже не видела из своей каморки. И человека по ту сторону переборки — сначала подписавшего ей смертный приговор, а потом подарившего жизнь и, кажется, посчитавшего это милосердием.

Её спасла одна фраза. Одна фраза, брошенная в спину офицеру перед самой смертью. Она ведь могла промолчать. Почти промолчала. Даже не думала, что это способно хоть что-то изменить. Просто отдала даром знание, способное помочь мёртвой женщине. И этого хватило. Подумай она в ту минуту о себе — была бы уже мертва.

— Живая... — прошептала она. — Господи... Живая. Из-за мамочки. Из-за его мёртвой мамочки... Абсурд... Полный, мать его, абсурд.

За переборкой было тихо. Потом послышались шаги — Асмадей ходил по своей каюте, из угла в угол. Манника подняла голову и уставилась на дверь.

— Да пошёл ты со своим прости, — сказала она громче, чем собиралась. — Чуть не умерла... из-за твоего фальшивого рапорта. Мамочка видите ли у него... трусливый ублюдок. Даже убить сам не смог...

Она вытерла нос тыльной стороной ладони.

— Жалкий... какой же ты жалкий...

Манника опустила голову.

Скоро дадут утренний свет и начнётся обычный день. Обычный день рабыни. Будто ничего и не было. Она встанет, умоется, соберёт волосы. Выйдет к нему, опустит глаза и будет ждать распоряжений.

А ночью он позовёт её к себе. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра. И она придёт, потому что отказаться нельзя, придет и будет лежать, глядя в потолок, и ждать, когда все закончится.

А однажды она снова сделает что-нибудь не так. Скажет лишнее. Или промолчит, когда надо было ответить. Или всё сделает правильно, а у господина будет просто плохое настроение — так тоже бывает. И тогда её будут бить: за дело и без дела. Или наденут ошейник. Или придумают что-нибудь

новое — у них всегда хорошо получалось придумывать новое.

И никто не назовёт это насилием. Потому что бить её — не насилие. Это распоряжение имуществом.

А на следующий день после этого она будет вставать. Умываться. Собирать волосы. И идти к нему. И так будет завтра, и послезавтра, и через год и через десять лет, если она столько протянет. Всю оставшуюся жизнь — сколько её там осталось...

Вот и всё, что ей сегодня так великодушно подарили.

— Как же я устала, — сказала Манника в темноту. — Боже. Как я от этого устала. Лучше бы убили...

Манника подняла голову и посмотрела в угол каюты. Прешлой ночью оттуда появилась женщина. Высокая прозрачная фигура, окруженная мягким серебристым светом, которого почему-то не хватало, чтобы осветить хоть что-нибудь вокруг.

Манника решила, что сходит с ума. А потом перестала думать вообще, потому что женщина заговорила с ней.

«Мой сын». Так она назвала офицера, которому отдали Маннику.

У господ не бывает матерей.

Манника чуть не сказала это вслух. Это было первое, что пришло ей в голову — и это была ложь, конечно. Матери у них были.

Просто проще было думать, что господа заводятся сами,

как тараканы. Появляются на свет уже такими, какие есть, — ублюдками в форме, у которых нет ни родины, ни семьи, ни прошлого. Так их было проще ненавидеть. А у этого была мать, и мать говорила о нём тем самым голосом, каким говорят о своих детях, что бы те ни натворили.

Потом гостья рассказала о себе, и Манника вдруг поняла, что слушает историю, повторяющую ее собственную. Та же война. Тот же плен. Манника сидела, затаив дыхание, и слушала не столько слова, сколько сам голос: тёплый, спокойный. С ней давно никто так не говорил. Так давно, что она успела забыть, каково это.

Но пока мать была здесь, её сын сидел по ту сторону переборки и писал заявку на утилизацию. В одно и то же время.

Знала ли женщина об этом?

Если знала — почему не сказала? Одно слово. Одно предупреждение, и Манника хотя бы успела... что? Убежать с корабля посреди пустоты? У нее не было даже права выйти за пределы отсека без разрешения. Нет. Знать заранее было бы только хуже. Она провела бы последнюю ночь не в тёплом разговоре, а глядя в потолок и считая часы.

Может, женщина это понимала. Потому и пришла — не спасать, а просто побыть рядом. А возможно, ей самой было невыносимо одиноко в этом железном гробу, и она просто захотела с кем-то поговорить. Или всё-таки собиралась спасти...

Манника не знала, что из этого правда.

— Кто бы ты ни была, — прошептала Манника в темноту,
— приходи ещё.

Мать молчала...

Из вентиляционной решётки над койкой потянуло тёплым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.